

Беготня, раны и бесконечные тревоги последних дней стали суровым испытанием для старого тела Цуй Люя. Рядом не было верного Цуй Чэна, к чьей заботе он привык, и хотя лечебница считалась лучшей в городе, до домашнего уюта ей было далеко. Всю ночь он ворочался, гадая, куда повернет судьба края, и лишь под утро, когда небо начало сереть, забылся тревожным сном.

Облик Цзянчжоу определяло море: город с трех сторон обступали соленые воды, а с тыла, словно гигантский щит, высилась гора Юньянь. Она оберегала жилые кварталы от свирепых штормов и ливней, что то и дело налетали с океанских просторов.

Погода здесь была капризна, как дитя: утренний нудный дождь к полудню мог смениться палящим солнцем, а к вечеру — обернуться ураганом, сбивающим с ног. Жить земледелием в таком краю было невозможно. Даже самые искушенные предсказатели погоды не могли угадать прихоти небес, так что на полях ничего, кроме самых неприхотливых культур, не росло.

Потому девять из десяти жителей Цзянчжоу кормились от воды. Дары моря обеспечивали их достатком, позволяя работать полгода и столько же отдыхать. Речные перевозки, связывавшие их с управой Баочуань, были жизненно важны для поставок зерна и масла. Но это не значило, что соседи могли взять город за горло: на другом краю моря лежал бедный остров Дунсан, который снабжал Цзянчжоу дешевым провиантом.

В чем же тогда была истинная власть Цзянчжоу?

В морской соли.

С двух сторон город окружали отмели. Давным-давно смекалистые люди научились разводить там морскую живность, а позже кто-то особо проницательный подсмотрел секреты выпаривания соли в озерных колодцах. Вернувшись в Цзянчжоу, он приспособил озерный метод к морским условиям, используя жаркие месяцы для высушивания соли на солнце.

Это новшество вознесло Цзянчжоу на вершину богатства среди всех окрестных земель. Какой бы грубой ни была соль поначалу, стоило кораблю покинуть порт, как в каждой гавани его уже ждали толпы покупателей. Фунт соли в обмен на фунт золота — такая прибыль позволяла не только не знать нужды в еде, но и тратить огромные средства на развлечения.

Неудивительно, что игорные дома и кварталы удовольствий в Цзянчжоу процветали, а местные предметы роскоши становились предметом зависти для знати всей империи. Город стал законодателем мод своего времени.

Иными словами, во всем, кроме сельского хозяйства, Цзянчжоу опережал остальные провинции. И хотя люди страдали от строгого надзора властей над кузнечным делом и

металлом, в остальном их жизнь была куда сытнее и ярче, чем на другом берегу реки.

Особенно ярко это проявилось в годы заката прошлой династии. Когда цены на казенную соль взлетели до небес, жители Цзянчжоу за бесценок выменивали свою морскую соль на любые товары. Чиновники пытались запретить ввоз зерна, надеясь задушить город голодом и заставить платить налоги, но те лишь нашли новый источник — остров Дунсан. И вот, крошечный клочок земли, где прежде едва ютилось десять тысяч душ, превратился в подобие полноценной управы под крылом Цзянчжоу.

Цуй Люй проснулся в холодном поту. Неведомо почему, во сне ему явилась история возвышения Дунсана — история о том, как раб пожирает хозяина. Те самые островитяне, которых цзянчжоуские богачи считали лишь скотом, через двадцать-тридцать лет станут сущим кошмаром для всего края. В его видениях этот остров превратился в место, где писалась кровавая история слез цзянчжоуских женщин.

Островитяне не заботились о чистоте крови. Им важно было лишь одно — рост населения. Любого младенца, рожденного на их земле, они растили как своего, внушая ему, что Дунсан — его единственная опора и судьба.

А богачи из Цзянчжоу даже не замечали, как меняется дух этих людей. Высокомерно они отдавали островитянам «падших» женщин своего края для рабского труда. Никто не потрудился посчитать, сколько душ теперь живет на острове, и никто не заметил, что женщины, сосланные туда на муки, обрели в дикарях любящих мужей, готовых защищать их. И те платили им благодарностью, охотно рожая новых воинов.

Цуй Люй тяжело дышал. Прежде он и сам не задумывался об этом, полагая, что ссылка на далекий остров — достойная кара для преступниц. Но в глазах аборигенов эти женщины, отвергнутые своим родом, были бесценным сокровищем. Там не было нужды в насилии — простое человеческое тепло и забота сделали то, чего нельзя было добиться силой: население острова росло как на дрожжах.

«Низшие выродки», «подлые рабы» — так называли жителей Дунсана в Цзянчжоу. А те, пользуясь презрением хозяев, по крупницам создавали свою культуру и копили силы, чтобы однажды обернуться страшным злом.

Нужно действовать сейчас!

Нельзя позволять им крепнуть в тени!

Эта мысль внезапно и остро пронзила его сознание: их нужно раздавить. Как можно спать спокойно, зная, что под боком затаился враг?

Голова Цуй Люя гудела. С тех пор как он вспомнил те «пророчества» из будущего, в нем росла жажда решительных мер. Когда началась беда с гу, гнев едва не вырвался наружу, но слова Ли

Янь о спасении рода погасили этот пожар, оставив лишь горький привкус во рту. Он надеялся, что теперь сердце успокоится — ведь трагедии бесплодия удалось избежать. Но теперь из этой пустоты выплыло имя Дунсана.

Пока Цзянчжоу процветает и держит власть, что может сделать крошечный островок?

Почему же он проснулся в таком ужасе, ощутив угрозу от рабов, которые еще даже не смеют поднять глаз на хозяев?

Может, стоит подождать еще пару дней, когда смута в городе утихнет? Разве может нищий остров, где даже местные старейшины лебезят перед цзянчжоускими купцами, бросить вызов своим господам?

Цуй Люй поморщился от боли и попытался сесть. У Фан, услышав шорох, тут же вошел в комнату и помог ему подняться. После умывания и легкого завтрака Цуй Люй наконец вспомнил о Ли Янь.

— Где эта девчонка? — спросил он. — С самого утра ни звука.

У Фан замялся, его грубый голос стал чуть тише:

— Ушла с Сяоцянем на задворки лечебницы, к «пришлым».

Цуй Люй недоуменно поднял глаза, и У Фан поспешил пояснить:

— Там, за лечебницей, есть частная тюрьма — «сияо». Недавно туда привезли осужденную женщину, она была на сносях. Перед отправкой в ссылку, чтобы ребенок не родился на чужбине, она выпросила у лекаря снадобье, вызывающее роды... Вот они и пошли на младенца посмотреть.

Видя, что хозяин молчит, У Фан продолжил:

— Муж той женщины — главой подмастерьев на соляных промыслах, дома бывает редко. Семья мужа обвинила её в измене и засадила в «сияо», чтобы сбить с рук...

Цуй Люй резко вскинул голову. У Фан, решив, что сказал лишнее, осекся, но Цуй Люй прервал его:

— Ты сказал, где работает её муж?

— На соляных промыслах Пинань... главой подмастерьев, — повторил У Фан.

Сердце Цуй Люя пропустило удар. Промыслы Пинань — одно из трех крупнейших мест добычи соли в Цзянчжоу.

Если эта женщина, обреченная на ссылку, знала от мужа хоть крупицу секретавыпаривания морской соли... Если сложить воедино все тайны, что хранят сотни таких женщин, сосланных на Дунсан — каков будет итог?

Это была утечка технологии. Источник той самой дерзости, с которой островитяне позже восстанут против хозяев.

Теперь понятно, почему они так берегли этих женщин. Давали им статус членов семьи, заботились об их детях... Всё это было частью плана.

А женщины? Отвергнутые родиной, брошенные на растерзание, они внезапно находили тепло и защиту там, где ожидали смерти. Кого они выберут? А когда на свет появятся их дети, голодные и нищие — что сделает мать ради их спасения?

Материнская любовь не знает границ.

Они отдадут все свои знания, чтобы облегчить жизнь детям. Дунсан был диким краем, там даже письменности толком не было. Но женщины из Цзянчжоу выросли в богатстве, их навыки выживания были выше всяких похвал. А если среди них были грамотные? Разве они не станут учить своих детей?

Хитрые дикари Дунсана... Какое дальновидное коварство — варить лягушку на медленном огне!

Тот, кто придумал этот план и начал воплощать его в жизнь, обладал великим терпением и бездонными амбициями.

Цуй Люй обхватил голову руками. Прямо под носом у спесивых богачей вырос такой гений, а они и ухом не ведут, радуясь, что держат остров в узде.

«Там уже вовсю точат ножи, а эти дурни даже не понимают, откуда придет беда. Сборище никчемных болванов!»

Пока он в душе проклинал цзянчжоускую знать, в комнату вбежала Ли Янь. Глаза её были красными от слез, а в руках она прижимала сверток с младенцем. Она рухнула на колени перед Цуй Люем и всхлипнула:

— Дедушка, давай выкупим её! Она такая несчастная, у неё совсем нет мамы...

Она прижала личико младенца к своей щеке и зарыдала:

— У Янь-эр нет мамы... и у неё нет... Мы такие бедные, дедушка! У-у-у...

Следом за ней, словно напроказивший школьник, вошел Тао Сяоцян. Он робко покосился на Цуй Люя и заискивающе улыбнулся, но под строгим взглядом хозяина тут же выложил всё как есть:

— Та женщина — сестра моего приятеля с пристани. Три месяца назад родственники мужа обвинили её в блуде, вычеркнули из родовых книг и продали в «сияо». Брат пытался за неё заступиться, но что он может против богатого клана? Денег на выкуп не было. Когда вы велели нам почаще бывать на пристани, я дал ему немного денег... На выкуп не хватило, но мы договорились с хозяйкой, чтобы её не заставляли принимать гостей, а оставили только на черной работе...

Цуй Люй почувствовал странное волнение.

— Её уже отправили?

Тао Сяоцян кивнул:

— Родня мужа прознала, что тот скоро вернется с промыслов, и подкупила чиновников, чтобы её отправили с ближайшей партией на Дунсан. Дитя родилось три дня назад. Его мать, скорее всего, уже на палубе «Дин-Ина».

Корабли класса «Орел», тип «Дин» — тяжелые суда, ходившие на Дунсан.

Были еще корабли «Хэ» и «Цзяо» для дальних странствий, и конвойные суда — «Ху», «Ши» и «Бао».

В годы расцвета Цзянчжоу владел флотом почти в восемьдесят кораблей. После краха пяти великих кланов осталось около двадцати, но сейчас их число наверняка перевалило за сотню. Просто после великой смуты все научились скрывать истинные доходы, и в отчетах мелькало едва ли десятка три судов.

В его кошмарах страх перед бесплодием заставил глав кланов направить гнев на императора. Они решили, что это заговор правящего дома, и в безумном порыве начали жечь свои корабли, желая показать, что готовы погибнуть вместе со своим богатством.

Тогда пожар на реке полыхал пять дней. Никто не считал, сколько судов погибло в огне, но тот удар подорвал силы кланов навсегда. Именно это безумие и вызвало ярость Великого императора.

Постройка одного такого корабля могла прокормить целый уезд. Сколько же золота было пущено на ветер? Огненный нрав Великого императора долго сдерживался, но череда этих бессмысленных потерь в итоге привела к взрыву.

Морское могущество Цзянчжоу было не просто козырем в руках богачей — это была опора всей империи Данин на морях.

Раньше Цуй Люй полагал, что каждый волен распоряжаться своим добром как хочет. Но теперь, узрев будущее, он понял гнев императора: богатства, созданные потом и кровью народа, не должны становиться инструментом личной мести, особенно если эта месть несет беду простым людям.

Те кланы получили по заслугам.

Тао Сяоцян, опустив голову, продолжал оправдываться:

— Я хотел выкупить кроху, но хозяйка «сияо» совсем совесть потеряла. За грудного младенца затребовала тысячу лянов! В лучшем борделе за такую цену можно весь вечер пировать. Видать, родня мужа велела ей не отдавать ребенка ни под каким видом.

Цуй Люй указал на сверток в руках Ли Янь:

— Как же она его тогда вынесла?

Тао Сяоцян кивнул на пояс девушки:

— Я велел ей надеть вашу служебную бирку. Хозяйка испугалась — у дома префекта сейчас гвардейцы с такими же бирками, вот она и не посмела спорить. Сказала только, чтобы мы принесли серебро, а она уж как-нибудь отчитается перед заказчиками.

Цуй Люй одобрительно хмыкнул. Хозяйка оказалась не глупой: хоть и не знала, кто такая Ли Янь, но смекнула, что в городе появились люди из столицы. Раз она согласна на деньги — значит, готова отступить.

— У Фан, сходи к ней.

Стражник молча поклонился и принял из рук хозяина пачку банкнот. Глаза Тао Сяоцян радостно блеснули. Ему и самому хотелось пойти к «сияо», но он не смел оставить господина без присмотра. У Фан хлопнул его по плечу:

— А где твой приятель? Раз уж он просил о помощи, пусть явится и поблагодарит господина как полагается.

Худое лицо Сяоцзяня исказилось от досады, он хлопнул себя по лбу:

— Совсем из головы вылетело! Он ждет у задних ворот тюрьмы. Брат У, скажи ему, пусть идет сюда, я его к господину проведу.

Ли Янь тем временем ворковала над младенцем. Она обернулась к Цуй Люю:

— Дедушка, давай возьмем её с собой? Я проверила — малышка крепкая. Если я подлечу её нашими снадобьями, из неё выйдет отличная помощница для моей Марионеточной гу.

Она нахмурилась и добавила:

— Наставники говорили, что лучше всего гу приживается в человеке — так она становится сильнее и её никто не обманет. Раньше я была слишком доброй, растила их в коконах... Больше так не буду. Сама воспитаю носителя.

Цуй Люй вздрогнул. Он внимательно всмотрелся в лицо Ли Янь — сейчас она рассуждала вполне здраво, совсем не как безумная.

— Ты всё вспомнила? — осторожно спросил он.

Девушка сначала покачала головой, но потом кивнула:

— Королевская гу подсказывает мне, что делать. А та Марионеточная гу, что была при мне... Я чую её след на той женщине, которую видела в день праздника. Такую важную вещь я бы никогда не подарила. Значит, её у меня либо украли, либо отняли силой. Теперь понятно, почему она мне так не нравится.

В этом была логика.

Глупа, да не совсем!

— Но если ты подсадишь гу такому младенцу, что с ней будет? — с состраданием спросил Цуй Люй.

Ли Янь удивленно взглянула на него:

— Если бы у нас не было связи, разве я бы её выбрала? К тому же, гу принесет ей пользу. Она никогда не даст её в обиду. С моими лекарствами и силой гу она станет великим воином, настоящим гением. Когда она вырастет, ей не понадобится чужая помощь, чтобы отомстить за мать и наказать обидчиков. Хе-хе, нас, девочек, так просто не обидишь!

Видно было, что судьба несчастной матери и её дитя пробудила в Ли Янь ярость. Младенец еще и ползать не научился, а она уже распланировала её месть.

Оказывается, все её слезы были лишь способом вытянуть из него деньги на выкуп!

В этот момент Тао Сяоцян ввел в комнату мужчину. Тот, войдя, сразу прикипел взглядом к свертку в руках Ли Янь. Лицо его дрожало от волнения, он сделал шаг вперед, но Сяоцян удержал его за рукав.

— Брат Линь, вот мой господин.

Мужчина рухнул на колени, и звук удара об пол был сухим и тяжелым.

— Благодарю вас, господин Цуй! Век не забуду! Я — Линь Лифу, отныне ваша жизнь — мой приказ. Только скажите — в огонь и в воду за вами пойду!

Цуй Люй не стал тратить время на вежливость:

— Хочешь спасти сестру? Если знаешь, где сейчас стоит «Дин-Ин», я помогу тебе вернуть её.

Спасение женщины было лишь предлогом. Главной целью был корабль — ключ, который позволит Би Хэну наконец связаться с тем берегом.

Словно почуяв это, в дверях появился сам Би Хэн. Увидев в комнате посторонних, он замахал руками, выпроваживая всех, и возбужденно крикнул Цуй Люю:

— Быстрее, Люй-цин! Смотри, что я тебе принес!

Прежде чем Цуй Люй успел сказать хоть слово о Линь Лифу, слуги Би Хэна очистили комнату и начали вносить тяжелые сундуки.

Би Хэн, хитро подмигивая, подошел к кушетке:

— В расчете, Люй-цин! Старый брат тебя не забудет!

Не дожидаясь ответа, он откинул крышку одного из сундуков. Комнату залило мягкое сияние — сундук до краев был набит тяжелыми золотыми слитками.

Би Хэн потер руки, немного смущенно, но поспешил пояснить:

— Ребята трудились не покладая рук, устали... К тому же, там было столько... всего. Если не дать им немного «подкрепиться», дело не пойдет. В столице всё равно не знают точного счета, так что мы взяли самую малость... Честное слово, капля в море! Не думай, я не из тех, кто теряет совесть и становится мздоимцем. Я просто... ох, да бери же!

Цуй Люй молчал.

«Если я скажу, что золото мне больше не мило — поверит он мне или нет?»

Одна морока с этим богатством!

<http://bllate.org/book/16118/1586856>